

Андрей ГРОЗИН

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ В ЭНЕРГОСЕКТОРЕ

Дата поступления в редакцию: 28.03.2022.

Для цитирования: Грозин А. В., 2022. Внешнеэкономическая политика Китая в Центральной Азии: достижения и проблемы в энергосекторе. – Геоэкономика энергетики. № 2 (18). С. 34–61. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_34

В статье анализируется история и актуальное состояние реализации Китаем инициативы «Один пояс – один путь» в республиках Центральной Азии. Промежуточные итоги реализации инициативы, достигнутые к настоящему времени, рассматриваются в первую очередь применительно к топливно-энергетическим секторам государств постсоветской Азии. С этих же позиций оценивается влияние на реализацию инициативы КНР комплекса проблем и региональных особенностей, тормозящих экономическое сотрудничество центральноазиатских государств с китайскими компаниями в нефтегазовой и энергетической сферах. Отдельным объектом анализа стали содержание и влияние растущих негативных общественных настроений в отношении сотрудничества с Китаем в ряде стран региона. Также рассматриваются основные перспективы экономического взаимодействия КНР и стран Центральной Азии в условиях наблюдаемого быстрого роста мировой геополитической и геоэкономической турбулентности.

ГРОЗИН Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, г. Химки, 141410, пр. Мельникова, д. 2/1. E-mail: andgrozin@yandex.ru. SPIN-код: 5621-8571

Ключевые слова: инициатива «Один пояс – один путь», Китай, Центральная Азия, Казахстан, синофобия, экономическое сотрудничество, конкуренция интересов.

Внешнеэкономическая политика Китая последних десятилетий отличается высокой эффективностью, её реализация позволила КНР существенно нарастить своё экономическое влияние как на региональном, так и на мировом уровне. Достижения политики мягкого продавливания китайских экономических интересов позволили обеспечить лидирующие позиции страны и определить политику «по Си Цзиньпину» на одном уровне с достижениями политики основателя КНР Мао Цзэдуна. Эта «новая внешнеполитическая активность» получила зримое выражение и фундамент в инициативе экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП), в последние годы чаще называемой инициативой «Один пояс — один путь» (ОПОП) (*One Belt One Road Initiative (OBOR)*).

16 сентября 2013 г. во время визита по региону Центральной Азии (ЦА), выступая в г. Астана*, председатель КНР Си Цзиньпин выступил с программной речью «Развитие дружбы народов ради прекрасного будущего» и впервые предложил странам ЦА совместно формировать экономический пояс Шёлкового пути [Выступление..., 2013]¹. Позднее, в ходе визита в Индонезию (3 октября 2013 г.), лидер Китая предложил аналогичный план для расширения сотрудничества КНР со странами Южной, Юго-Восточной и Западной Азии, а также Восточной Африки и Европы, названный морским Шёлковым путём XXI в. [Акижанов, 2014].

15 ноября 2013 г. на третьем пленуме ЦК КПК 18-го созыва в Пекине было принято правительственное постановление, которое особо подчеркнуло продвижение ускоренными темпами построения концепции экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI в. [Третий пленум ЦК КПК..., 2013]². С этого момента ЭПШП/ОПОП — масштабная концепция нового курса Китая, основанного на широко понимаемом международном сотрудничестве, — породила в международном научном сообществе многочисленные дискуссии и начала превращаться в неофициальное (базовое положение данной инициативы в КНР официально никогда не признавалось) ядро китайской внешней политики.

К весне 2017 г., по данным официального представителя Министерства транспорта Китая У Чуньгэна, КНР подписала со странами вдоль «Пояса и пути» более 130 соглашений о сотрудничестве в сфере железнодорожного, автодорожного, морского и авиационного транспорта, а также в области почтовой связи³. К концу января 2021 г. о присоединении к мегаинициативе

¹ Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Университете Назарбаева // http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm, дата обращения 25.03.2022.

² Третий пленум ЦК КПК 18-го созыва // <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/sbjzsqh/>, дата обращения 25.03.2022.

* С 2019 г. — г. Нур-Султан.

³ Китай подписал со странами вдоль «Пояса и пути» более 130 соглашений о сотрудничестве в транспортной области // <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0421/c31518-9205740.html>, дата обращения 25.03.2022.

Пекина заявила 171 страна, было подписано 205 соглашений о сотрудничестве в рамках ОПОП, а суммарный товарооборот между государствами, расположенными вдоль «Пояса и пути», вырос на 21,4 % и достиг 383,24 млрд долл. (30 % объёма внешней торговли КНР) [Пустовойтова, 2021].

В практическом смысле ОПОП, по оценке эксперта московского отделения фонда Карнеги Александра Зотина, — зонтичная концепция, включающая в себя не менее 900 различных инфраструктурных проектов (автомобильные и железные дороги, порты, электростанции, мосты и т. д.) на разной стадии проработки в десятках государств мира. По его мнению, существует большое число различных неофициальных карт мегаинициативы, но «в основном ОПОП базируется вокруг шести экономических коридоров из Китая в Европу и Южную Азию. Хотя инициатива направлена на инвестиции преимущественно за пределы Китая, инфраструктуру под неё планируется развивать и в самой КНР» [Зотин, 2017]. При этом, по оценкам эксперта, основным выгодополучателем от реализации ОПОП станет Синьцзян-Уйгурский автономный регион, который планируется превратить в многопрофильный хаб, связывающий КНР с остальной Евразией.

Центральная Азия занимает особое место в предложенной Пекином миру инициативе. Геополитическое положение региона, лежащего между западными территориями Китая и приграничными пространствами Европы, автоматически делает страны ЦА центральной частью ОПОП.

Отдельным значимым фактором при этом стало то, что в идейно-политическом плане инициатива «Один пояс — один путь» стала естественным дополнением идеологических систем, созданных после распада СССР властями постсоветских республик Азии. Во всех из них (в каждой — в различной степени и со своими особенностями, но повсеместно) особо значимой составляющей национальной политической культуры остаётся тема исторической роли региона в развитии человеческой цивилизации и всего континента Евразия в частности.

Как отмечал главный научный сотрудник российского Института этнологии и антропологии Виктор Шнирельман, «становление новых государств в Казахстане и Центральной Азии сопровождается стремительным созданием своих национальных мифов, важнейшим компонентом которых служит нарратив о великих предках. Как неоднократно бывало в других регионах мира, такой нарратив выстраивается по привычной колониальной модели, но место главного героя в нём теперь занимает местный титульный народ. Отныне именно его предкам предназначено совершать великие подвиги, создавать выдающиеся культурные достижения и, что немаловажно, оказывать влияние на предков тех, кто доминировал в предшествующую "колониальную" эпоху» [Шнирельман, 2009]. На таком фоне апелляция Пекина при начале реализации ОПОП к общепланетарной исторической роли

древнего Шёлкового пути, особому месту в истории человечества народов, вдоль него проживавших, нашла отклик в странах Центральной Азии.

В то же время идеологические основания при их значимости, конечно, были и остаются для обществ и властей ЦА вторичными в сравнении с реальными финансово-экономическими и технологическими выгодами от сложившегося за годы независимости партнёрства с Китаем. Экономический рост республик Центральной Азии, обладающих энергоресурсами, в последние полтора десятилетия в значительной степени был обусловлен экспортом энергоносителей в КНР. Это неудивительно, поскольку на Китай приходится 20 % мирового энергопотребления, которое продолжает расти высокими темпами год за годом [Ризоев, 2020].

Поэтому и перспективы углубления и расширения многопланового сотрудничества с КНР в рамках реализации инициативы ОПОП власти всех пяти постсоветских республик восприняли исключительно положительно.

Энергетическое сотрудничество КНР с центральноазиатскими партнёрами

Одним из магистральных направлений в рамках ОПОП Пекином изначально было заявлено многоаспектное расширение энергетического сотрудничества со странами – партнёрами по реализации инициативы.

В рамках ОПОП КНР строит нефтяные и газовые магистрали из России и стран Центральной Азии через Пакистан и Мьянму (в обход Малаккского пролива), а также терминалы для нефтяных танкеров и регазификации СПГ из стран Персидского залива, России, Австралии, стран Юго-Восточной Азии [Виноградов, 2017]. В целом эта программа, являющаяся составной частью инициативы, должна снизить уязвимость поставок и обеспечить достаточное предложение углеводородов (УВ) по приемлемым для китайского бизнеса ценам.

В то же время не совсем верно увязывать взрывной рост китайских инвестиций в Центральную Азию (особенно в энергетику и смежные сектора экономики региона) в последние десятилетия исключительно с появлением инициативы ОПОП.

Интерес КНР к центральноазиатскому энергетическому и транзитному потенциалу существовал и до провозглашения инициативы: нефтепровод из Казахстана в Китай был запущен ещё в 2005 г. Ключевой, базовый проект сотрудничества КНР с центральноазиатскими республиками – газопровод Центральная Азия – Китай – был построен в 2009 г. [Умаров, 2020]. Оба трубопровода, таким образом, появились до официального объявления ОПОП.

По мнению казахстанского синоведа *Антон Бугаенко*, политическая нестабильность традиционных регионов – поставщиков энергоресурсов, а также высокая вероятность введения ограничений (вплоть до полной бло-

кады) путей поставок Соединёнными Штатами (т. н. «малаккская дилемма» [Ованнисян, 2019]) заставляют руководство КНР, желающее обезопасить пути поставок сырья и энергоресурсов, делать ставку на Центральную Азию, особенно Казахстан и Туркменистан.

Пекин с момента распада СССР отводил странам ЦА значимую роль в качестве дополнительного источника импорта энергии в Китай. Регион рассматривается как пространство, позволяющее КНР проводить политику диверсификации импорта углеводородного сырья.

При этом, как представляется, сами центральноазиатские страны – поставщики УВ заинтересованы в экспорте своего сырья в Поднебесную в большей степени, поскольку, *во-первых*, в условиях нестабильности на мировых сырьевых рынках стараются использовать любые возможности для сохранения текущих объёмов экспорта. *Во-вторых*, гигантская экономика соседнего Китая во всё большей мере рассматривается как наиболее стабильный и перспективный рынок и источник значительных финансовых поступлений на долгосрочный период. Для центральноазиатских стран на начало 2020 г. китайская доля во внешнеторговом обороте составляла около 22 % всего экспорта и 37 % импорта [Умаров, 2020].

В настоящее время экономический рост государств региона во многом зависит от Китая, но у разных стран в разной степени. Например, для Туркмении Китай несколько лет был практически единственным источником притока иностранной валюты в государственный бюджет. Это объяснялось тем, что российский «Газпром», с начала 2016 г. расторгнув контракт из-за ценовых споров, более трёх лет не закупал природный газ у «Туркменгаза». Пока стороны судились и договаривались о цене на газ, почти 80 % туркменского экспорта (8,1 млрд долл.¹) было направлено в КНР. Суммарный объём поставленного Ашхабадом в КНР природного газа по состоянию на октябрь 2019 г. достиг 252,1 млрд куб. м [Hasanov, 2019].

Туркмения из всех стран ЦА является наиболее зависимым от Китая государством. Почти весь экспорт туркменского газа в настоящее время идёт в Китай, что составляет около 30 млрд куб. м в год [Hess, 2020]. Газ поставляется преимущественно «Туркменгазом», а также с месторождения Багтыярлык, оператором которого является *China National Petroleum Corporation (CNPC)*, единственная иностранная компания, разрабатывающая наземные месторождения в Туркмении.

Стоит добавить, что экспорт энергоресурсов служит важным источником пополнения госбюджета не только для Туркмении, но и для Казахстана и Узбекистана. Как отмечал эксперт московского отделения фонда Карнеги

---

¹ Trade Map. По данным International Trade Center // https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1, дата обращения 25.03.2022.

Темур Умаров, на начало 2020 г. во всем импорте энергоресурсов КНР доля этих трёх государств составила 3,4 %. Страны ЦА к тому же занимают большую долю в китайском импорте цинка (21 %), свинца (20,9 %) и продуктов неорганической химии (10 %) [Умаров, 2021].

Ключевым региональным партнёром КНР во всех областях экономического сотрудничества (в том числе по линии топливно-энергетического сотрудничества) остаётся Республика Казахстан (РК).

Власти РК с первых лет независимости сделали однозначный выбор в пользу форсированного роста добычи и продажи своих энергоносителей на мировых рынках. Следствием стало то, что в результате бóльшая часть месторождений казахстанской нефти и иных природных ресурсов перешла в руки зарубежных компаний. Республика стала безусловным региональным лидером в области вовлечённости в мировую систему торговли энергетическими ресурсами.

Несмотря на постоянно озвучиваемые три десятилетия планы и программы диверсификации и реиндустриализации казахстанской экономики, основным локомотивом развития РК остаётся топливно-энергетический сектор, и в первую очередь добыча и экспорт УВ на мировые рынки. При этом около 60–70 % (в разные годы) от общего полученного объёма добытых углеводородов приходится на три крупнейших проекта – Тенгиз, Карачаганак и Кашаган. По добыче природного газа наблюдается схожая картина: основная доля газа в стране обеспечивается Карачаганакком (49 %), Тенгизом (31 %) и Кашаганом (14 %) [Муминов, 2019]. Стоит добавить, что в тенгизском проекте доля собственно Казахстана (АО «НК "КазМунайГаз"») составляет 20 %, в кашаганском – 16,8 %, в карачаганакском – 10 % [Смирнов, 2021].

По наиболее распространённым экспертным оценкам, доля Китая в общей нефтедобыче в Казахстане составляет около 24 %, а в добыче газа – около 13 % [Ризоев, 2020]. Это, безусловно, значительные показатели, однако для сравнения следует указать на то, что, по данным Темура Умарова, в казахстанской нефтяной отрасли, которая, «по некоторым оценкам, формирует 44 % госбюджета, американские компании лидируют в добыче. В 2019 г. их доля в добытой в стране нефти составила около 30 %. Для сравнения: на китайские нефтяные компании *CNPC*, *Sinopec* и *CITIC* приходится около 17 %, на российский «Лукойл» – 3 %. *Chevron* и *ExxonMobil* вместе владеют 75 % акций крупнейшего нефтедобывающего предприятия Казахстана "Тенгизшевройл"» [Умаров, 2021].

Флагманская роль Казахстана в реализации стратегии КНР по расширению экономического влияния в Центральной Азии позволила Пекину органично вписать сложившееся до провозглашения инициативы ОПОП двустороннее сотрудничество в сфере ТЭК в новые, меняющиеся геополитические и геоэкономические реалии.

Казахстан рассматривается КНР как удобный партнёр, через территорию которого могут осуществляться не только поставки собственно казахстан-

ских и центральноазиатских УВ, но и, в перспективе, по мере реализации ОПОП, транзит энергоресурсов в Китай из других стран. При этом до последнего времени основными покупателями казахстанской нефти являются государства Европейского союза (ЕС). Почти 70 % добываемой в РК нефти экспортируется в западном направлении через Каспийский трубопроводный консорциум (КТК). Его учредители ранее заявляли, что модернизация КТК позволит увеличить долю поставок казахстанской нефти до 52–60 млн т в год, а в среднесрочной перспективе – до 67 млн т [Самнаев, 2017]. При этом в связи с так называемым зелёным переходом экономик ЕС, а затем и общей неопределённостью ситуации с влиянием вводимых против России западных санкций складывается кризисная ситуация серьёзной неясности не только с реализацией указанного проекта расширения экспорта УВ, но и, вообще, с будущим всего казахстанского нефтеэкспорта в Европу.

На фоне текущих кризисных явлений на сырьевых рынках именно Китай всё чаще начинает рассматриваться в центральноазиатском экспертном сообществе в качестве некоей «последней надежды» для национальных экономик стран ЦА.

В то же время до настоящего времени ситуация с экспортом казахстанских УВ в КНР выглядит не слишком обнадеживающе: с 2013 по 2017 г. экспорт казахстанской нефти в Китай сократился в 10 раз – с 8,7 млрд долл. в 2013 г. до 853,4 млн долл. в 2017 г. В 2018 г. Казахстан продавал Китаю нефти меньше, чем, например, Румынии. Ограничения, вызванные коронавирусной инфекцией, также не способствовали наращиванию сотрудничества Казахстана и Китая – экспорт УВ стагнировал.

В начале 2019 г. ведущий в то время казахстанский синолог профессор *Константин Сыроежкин* отмечал: «Спрос на казахстанскую нефть в Китае падает уже три года подряд. И это нормальная тенденция. Параллельно увеличиваются поставки из России и Латинской Америки. Мы тут не главные: у нас объём внешней торговли с Китаем в 2018 г. составил порядка 18 млрд долл., а объём внешней торговли Китая с миром перевалил за 1 трлн долл. Хотя для нас эти объёмы и значимы, однако повлиять на что-то мы не можем» [Киселёва, 2019].

На нефтегазовый рынок Казахстана китайский бизнес зашёл с некоторым опозданием – в 1997 г. Как отмечает начальник отдела Института изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР Чжан Нин, к тому времени нефтяные магнаты из США и Европы уже успели заполучить самые качественные энергоресурсы. Но данное обстоятельство, как указывает китайский учёный, никак не повлияло на усиление казахстанско-китайского сотрудничества, поскольку регион, и в особенности Казахстан, интересен Пекину не только как источник сырьевых ресурсов, но и как транзитный мост в Европу. Проводя планомерную и выверенную политику на этих двух основных направлениях, Китай в любом случае занял беспроблемную позицию, так же

как и страны ЦА, которые извлекают из этого выгоду, в том числе раскрывают транспортно-логистический потенциал, экспортируют свои товары на внешние рынки, привлекают инвестиции, обеспечивают социальное развитие и т. д. [Исабаева, 2021]. При этом очевидно, что содержащийся в инициативе ОПОП глобальный проект «пробуждения» логистического потенциала Казахстана и, в меньшей мере, стран Средней Азии, по сути, стал дополнительным фактором укрепления китайских позиций в региональном топливно-энергетическом секторе. В Казахстане, имеющем в силу своего географического положения особое значение для транспортно-логистических проектов КНР, Пекину удалось достичь максимальных успехов.

В короткие сроки в балансе иностранных ТНК, работающих в сфере производства УВ в Казахстане, произошли заметные сдвиги: компаниям КНР удалось менее чем за 20 лет изменить ситуацию абсолютного и безусловного доминирования западных энергетических корпораций, сложившуюся за первое десятилетие независимости. Обеспеченность китайского бизнеса финансовыми ресурсами и его деятельность в тесной координации с государственными институтами позволили ему довести долю своего участия в казахстанском ТЭК с нулевой отметки до не менее чем четверти всей казахстанской добычи жидких УВ.

Другим значительным достижением стало то, что КНР удалось получить значительные позиции в энергетических проектах на Каспии — не только в Туркменистане, но и в Казахстане. Большим успехом китайской экономической политики стала покупка *CNPC* у НК «КазМунайГаз» 8,33 % доли каспийского месторождения Кашаган.

CNPC остаётся главной движущей силой китайско-центральноазиатского сотрудничества в энергетической сфере. При этом ключевые региональные проекты корпорации реализуются в Казахстане. По оценкам казахстанских экспертов, за 25 лет своего присутствия в РК корпорация уплатила в бюджеты всех уровней налогов и пошлин на сумму 47,1 млрд долл., войдя в топ-50 крупнейших налогоплательщиков республики [Исабаева, 2021].

Первым проектом *CNPC* в Казахстане стало АО «СНПС-Актобемунайгаз». Сумма накопленных до 2019 г. инвестиций составила 10,2 млрд долл. Основными приоритетами заявлены: модернизация оборудования, приобретение новейшей скважинной и промысловой техники, внедрение передовых систем экологической безопасности и пр.

CNPC участвует в «ПетроКазахстан Кумколь Ресорсиз» (ПККР) и «ПетроКазахстан Ойл Продактс» (ПКОП), «МангистауМунайГаз» (ММГ), «Бузачи Оперейтинг Лтд», «Азиатский Газопровод», «Казгермунай», в разработке Кашагана в составе консорциума *North Caspian Operating Company (NCOC)*¹.

---

¹ Китайское присутствие в нефтянке Казахстана выше, чем показывает статистика — эксперт // <http://berlek-nkp.com/analitics/10316-kitayskoe-prisutstvie-v-neftyanke-kazahstana-yshe-chem-pokazyvaet-statistika-ekspert.html>, дата обращения 25.03.2022.

С большим трудом после двух десятилетий обсуждений в Казахстане смогли решить проблему самообеспечения ГСМ, завершив (с привлечением инвестиций КНР) в 2018 г. реконструкцию трёх отечественных НПЗ. До этого от 30 до 45 % топлива приходилось закупать у России.

В частности, на ТОО «ПКОП» (Шымкентский НПЗ) на деньги китайского кредита была проведена двухуровневая модернизация. Представители компании утверждают, что его продукция сейчас соответствует стандартам Евро-4 и Евро-5.

Всего за годы работы в Казахстане *CNPC* инвестировала в развитие нефтегазовой промышленности республики более 45 млрд долл., создала 30 тыс. рабочих мест, отправила на учёбу в университеты КНР более 500 казахстанских студентов, предоставив им стипендии.

Китайские компании стараются преодолеть антикитайские настроения в регионе, одновременно отвечая на требования местных властей о повышении своего экономического вклада в развитие экономик стран ЦА. Например, *CNPC* указывает, что 97 % её рабочей силы в стране локализовано. Один проект реконструкции Шымкентского НПЗ создал 2296 постоянных рабочих мест для местного населения¹.

Вопреки расхожим клише об интересе китайского бизнеса только к сырьевым проектам в ЦА строительство Мойнакской гидроэлектростанции в Казахстане (стоимость — 330 млн долл., из которых 200 млн долл. составил кредит от Китайского банка развития) продемонстрировало эффективность китайских инвестиций в возобновляемые источники энергии за пределами КНР. В 2012 г. Китайская международная водно-электрическая корпорация (*CWE*) завершила строительство Мойнакской ГЭС мощностью 300 МВт, что стало важным вкладом в энергетическую безопасность Казахстана. ГЭС «может обеспечить электричеством все домохозяйства в Алматы... До мойнакского проекта юг Казахстана импортировал электроэнергию из Кыргызстана, а после запуска ГЭС стал самодостаточным», — сказал в документальном фильме, вышедшем в 2018 г. на телевидении КНР, Юй Цян, заместитель главного инженера *CWE* в РК [Нива, 2020].

В рамках взятого в КНР курса на зелёную энергетику в Казахстане также были построены несколько объектов, в том числе ветряная электростанция в Костанайской области, солнечная электростанция в Алматинской области, ветроэнергетическая станция в Жамбылской области и Тургусунская гидроэлектростанция в Восточном Казахстане.

В Узбекистане основной бизнес-структурой, продвигающей китайско-узбекское партнёрство в рамках ОПОП, также является *CNPC*. Таш-

¹ Как и почему Китай помогает индустриализовать Центральную Азию // <https://www.saa-network.org/archives/22283>, дата обращения 26.03.2022.

кент долгое время представлял для КНР интерес с точки зрения поставок природного газа: Узбекистан, несмотря на отмечаемое в последние годы снижение газодобычи, входит в двадцатку крупнейших газодобывающих стран мира (ежегодная добыча составляет около 55–60 млрд куб. м газа). Объём экспорта узбекского газа на рубеже начала пандемии коронавируса составлял 10–13 млрд куб. м. В 2004 г. *CNPC* и национальная холдинговая компания «Узбекнефтегаз» подписали рамочное соглашение о развитии сотрудничества. *CNPC* осуществила или планирует осуществить ряд проектов в узбекской нефтегазовой отрасли, среди которых выделяются: строительство узбекского участка магистрального газопровода Центральная Азия – Китай (ветка *D*); планы по освоению нефтяных месторождений в Ферганской долине (Ферганская, Андижанская и Наманганская области); подготовка к освоению нефтегазоконденсатных месторождений в Бухарско-Хивинском регионе и на плато Устюрт; подготовка к освоению нефтегазоносных месторождений в узбекской части обнажившегося дна Аральского моря; участие в финансировании строительства установки по производству сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ (Кашкадарьинская обл.); планы по организации совместного производства нефтегазового оборудования в Узбекистане [Адясов, 2015]. В 2010 г. *CNPC* и «Узбекнефтегаз» заключили рамочное соглашение о купле-продаже природного газа в объёме до 10 млрд куб. м в год. Поставки на регулярной основе начались с 1 апреля 2012 г.¹ По итогам 2013 г. Китай получил 6 млрд куб. м узбекского газа. Осенью 2014 г. источник РИА «Новости» в правительстве Узбекистана сообщал, что в 2015 г. поставки в Китай будут доведены до 10 млрд куб. м, а к 2016 г. объёмы китайского законтрактованного газа планировались на уровне не менее 25 млрд куб. м в год [Саинов, 2012].

Планам этим, однако, сбыться было не суждено: прогрессирующий дефицит газа, сопровождаемый резким ростом внутреннего потребления и сокращением запасов, вынуждает Ташкент сокращать газовый экспорт. Маловероятно, что в среднесрочной перспективе Узбекистан сможет увеличить поставки УВ в Китай. Между тем китайско-узбекская торговля быстро расширяется в других секторах, таких как строительство, технология, нефтехимия, энергетика и производство.

Кроме того, существуют и технологические ограничители: три линии трубопровода «Китай – Центральная Азия» работают на полную мощность с конца 2018 г.

По заявлениям официальных лиц центральноазиатских государств от 2014 г., четвертая ветка газопровода по маршруту Туркменистан – Узбе-

¹ Узбекистан хочет увеличить поставки газа в Китай и наладить его экспорт в Европу // <http://www.fergananews.com/news/26522>, дата обращения 25.03.2022.

кистан – Таджикистан – Киргизия – Китай должна была быть запущена к концу 2016 г. Затем запуск переносили на конец 2020 г., в настоящее время эксперты указывают на то, что проект заморожен после начала пандемии коронавирусной инфекции.

Очевидно, что четвёртая ветка газопровода в первую очередь нужна Ашхабаду. Для туркменской казны, испытывающей многолетние серьёзные трудности, Китай остаётся ключевым источником доходов. К тому же другие проекты газопроводов из Туркмении (ТАПИ, труба в Европу) не демонстрируют сколько-нибудь значимой динамики.

Транзитные страны заинтересованы в возобновлении строительства газопровода не меньше Туркмении. Для Таджикистана и Киргизии – двух наиболее закредитованных Китаем центральноазиатских республик – дополнительный источник дохода в сегодняшних сложных геополитических и геоэкономических условиях крайне необходим. Настолько, что в Таджикистане к концу января 2020 г. объявили о завершении строительства первого тоннеля по линии будущего газопровода [Тарасевич, 2020].

Увеличивающий экономические связи с соседями Узбекистан также выступит за прокладку четвёртой ветки, если Пекин сделает выгодное предложение. Таким образом, будущее нового маршрута газопровода из ЦА сейчас полностью в руках Пекина [Капитонов, Умаров, 2020].

Данная ситуация повторяется и с возможностью другого потенциально значимого проекта в рамках ОПОП – железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан (ККУЖД). Проект, обсуждение которого тянется много лет, в настоящее время близок к вероятности перехода в практическую плоскость. О том, что строительство железной дороги начнётся в ближайшем будущем, в феврале 2022 г. заявил президент Киргизии Садыр Жапаров, выступая в рамках онлайн-саммита глав республик Центральной Азии и КНР, прошедшего по случаю 30-летия установления дипотношений между странами.

«Строительство железной дороги должно стать флагманским проектом в рамках инициативы "Один пояс – один путь". Магистраль станет дорогой дружбы, добрососедства и устойчивого развития», – отметил глава Киргизии.

Он назвал проект масштабным с точки зрения экономического потенциала и подчеркнул, что «каких-либо политических разногласий о его сути и целесообразности нет, есть лишь вопросы, которые связаны с техническими аспектами и финансовой составляющей» [Крек, 2022].

В условиях усиливающейся мировой экономической и политической напряжённости роль Узбекистана не столько как источника ресурсов, сколько как транзитной страны, ключевой для всего Центрально-Азиатского региона, для Китая возрастает. В данной связи, очевидно, в близкой перспективе будет урегулирован и затянувшийся на два десятилетия процесс согласования и реализации проекта ККУЖД. Думается, что стороны смо-

гут найти компромиссный вариант и построить наконец железную дорогу. Кроме этого, Китай уже вложил значительные ресурсы в транспортные и экономические проекты в Узбекистане.

Судя по ряду внешнеполитических шагов и действий КНР, явный приоритет Казахстану, безусловно отдаваемый ранее Пекином в рамках реализации в регионе ОПОП, будет всё в большей мере балансироваться активным участием Ташкента.

Проблемы и узкие места реализации инициативы ОПОП в регионе

До начала периода резкого обострения мировых политических процессов в начале второго десятилетия XXI в., на прежнем этапе развития международных отношений, странам Центральной Азии в целом удавалось придерживаться политики лавирования между мировыми центрами силы и в основном удовлетворять интересы коллективного Запада, России и Китая, извлекая в ходе реализации этого курса различные материальные и нематериальные выгоды. После целого ряда мировых экономических, финансовых, медико-эпидемиологических и военно-политических кризисов, а также серьёзных колебаний цен на сырьевых рынках пространство для манёвра для государств ЦА начало сужаться. Данный процесс продолжается и приобретает в последние два-три года дополнительную динамику за счёт множества вызовов (пандемия *COVID-19* 2020–2022 гг., транзит высшей власти и попытка мятежа в Казахстане в январе 2022 г., санкционная война Запада против России, бьющая по всей Центральной Азии, нарастание социально-экономической катастрофы в Афганистане и пр.), наложившихся на многочисленные традиционные для центральноазиатских республик проблемы.

В сложных геополитических и геоэкономических условиях власти стран ЦА в качестве серьёзного страховочного механизма сохранения экономической устойчивости продолжают рассматривать партнёрство с Китаем на основании двусторонних и многосторонних форматов.

До последнего времени Центральная Азия оставалась для Пекина одним из регионов, где инициатива ОПОП развивалась относительно беспрепятственно. Однако реализация китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества начинает сталкиваться со значительными сложностями. Причём в последние годы становится заметно, что динамика сотрудничества до последнего времени имела негативный характер и уровень сотрудничества «новой Азии» и их великого восточного соседа снижался. Данное снижение максимально заметно в Казахстане и Киргизии — государствах с наиболее выраженными в регионе синофобскими настроениями и участвовавшими антикитайскими акциями части общества. В то же время другие среднеазиатские республики сохраняют стабильный

уровень отношений с КНР, а Узбекистан по степени динамики роста экономического партнёрства с китайским бизнесом постепенно превращается в регионального лидера.

Стоит отметить, что ситуацию с достаточно спокойным отношением среднеазиатских обществ к КНР пытаются изменить извне: в Узбекистане через социальные сети и мессенджеры продвигается тема «преследования мусульман» в Синьцзяне, в Таджикистане нарастают попытки раскачать антикитайские настроения активным тиражированием материалов зарубежных СМИ о «китайских военных базах» на территории республики и т. д.

Во всех республиках ЦА через имеющиеся западные и прозападные информационные ресурсы в последние два-три года продвигается нарратив о негативном опыте реализации ОПОП в других регионах мира. Центрально-азиатским обществам и элитам внушается недоверие к инициативе Пекина с использованием кейсов сотрудничества КНР с такими странами, как Шри-Ланка, Пакистан, Малайзия, ряд африканских государств, демонстрирующих, по мнению авторов этих материалов, проблемность вопроса финансирования стран – реципиентов инициативы ОПОП, когда долговые обязательства якобы постепенно трансформируются в политические¹. Несомненно, что разворачивающаяся в регионе информационная война против Китая:

- носит организованный, целенаправленный характер;
- ориентирована на превращение Центральной Азии в уязвимое место в инициативе «Один пояс – один путь».

В связи с означенной ситуацией проблема практической комплексной реализации ОПОП в регионе оказывается в сложном положении.

Очевидно, что в ЦА имеет место явный разрыв между соображениями экономической целесообразности, которыми руководствуются власти, и синофобскими настроениями части населения, разгоняемыми различными лидерами общественного мнения, НПО и медиаструктурами, имеющими преимущественно внешнее финансирование. Как указывает директор казахстанского Центра китайских исследований *China center* Адиль Каукенов, «вопреки объективной заинтересованности Казахстана в инвестициях и необходимости увеличения своих продаж на китайском рынке, под воздействием общественного мнения, идущего на поводу откровенного хайпа, происходит ровно противоположное. Торговля и инвестиционное сотрудничество с крупнейшим экономическим соседом уменьшается, что и понятно, ведь при таком уровне мифотворчества, синофобии и общественного неприятия казахстанский рынок становится слишком рискованным и неудобным для сотрудничества» [Каукенов, 2021].

¹ О «затягивании» Казахстана в орбиту Китая // https://kz.expert/ru/materials/analitika/1034_o_zatyagivanii_kazahstana_v_orbitu_kitaya, дата обращения: 22.03.2022.

Национал-патриоты* Казахстана и Киргизии традиционно критикуют власти за чрезмерный, по их мнению, рост китайского экономического влияния, что несёт прямую угрозу национальной безопасности республик. В Таджикистане и Узбекистане такого рода критика крайне редка и публичные проявления синофобии до настоящего времени не отмечаются. В Туркменистане в силу особенностей политической системы, социального и информационно-медийного ландшафтов антикитайские настроения никем и никогда не фиксировались.

Превращение Китая в объект внимания казахских и киргизских национал-патриотов фиксируется с периода начала процесса активизации экономического присутствия Китая с середины 90-х гг. XX в. Китайский бизнес, китайские товары и граждане КНР в Казахстане и Кыргызстане постепенно начали превращаться в заметную составляющую внутривнутриполитической жизни республик. Об этом свидетельствовали социальные конфликты на крупных китайских предприятиях (впервые – в Западном Казахстане на предприятиях *China National Petroleum Corporation*) и локальные акции протеста казахстанских работников менее крупных нефтяных и сервисных компаний, принадлежащих гражданам КНР.

В казахстанском обществе, пожалуй, самые большие фобии связаны с присутствием КНР в нефтегазовой сфере страны, которое якобы может нести серьёзные риски для национальной безопасности. После провозглашения в 2013 г. Пекином начала реализации инициативы ОПОП эти настроения начали усиливаться и получают определённую общественную поддержку.

В то же время данные официальной статистики опровергают опасения по поводу китайской экспансии в казахстанской нефтегазовой сфере. Так, в 2020 г. Казахстан добыл 85,7 млн нефти, из которых на местные предприятия приходится 30,6 %, на американские – 28,7 %, европейские – 18,7 %, китайские – 16 %, российские – 3,5 %, азиатские – 2,4 % [Исабаева, 2022].

Существующие на западные гранты казахстанские и региональные НПО/НКО в последнее время начали активно продвигать в СМИ тему экологического вреда, наносимого республике китайскими компаниями, работающими в энергетической сфере. При этом отсутствие сколько-нибудь

---

* К общественно-политическому направлению, обобщённо называемому национал-патриотическим, в Казахстане и Кыргызстане относят лидеров мнений и группы активистов, активно выступающих за сохранение и упрочение национальной идентичности титульного этноса, но при этом делающих это чаще всего в агрессивной форме, стремясь реализовать свои устремления за счёт ущемления прав других этнических групп, проживающих в республиках. В Казахстане, кроме широко используемого определения «национал-патриоты», их оппоненты в социальных сетях и медиа часто используют и уничижительный вариант – «нащпаты». Национал-патриоты Казахстана представляют собой крайне разношёрстное сообщество, объединяемое общей идеологической заряженностью против евразийской интеграции, партнёрства с Россией, а также общей синофобией.

серьёзной доказательной базы объясняется просто — якобы целенаправленным курсом властей Казахстана на замалчивание данной проблемы¹.

Серьёзной проблемой китайского бизнеса в энергетическом секторе Казахстана остаётся его качественная составляющая: практически все приобретённые компаниями КНР в последние годы месторождения казахстанских УВ имеют небольшие балансовые и извлекаемые запасы, а значительная их часть находится в разработке с конца 1980-х — начала 1990-х гг. и входит в стадию затухания добычи. Вообще, кроме Тенгиза, Кашагана и Карачагананака, остальные казахстанские месторождения прошли пик добычи, коэффициент извлечения нефти на них низок и колеблется в пределах 35 %. Особенно напряжённая ситуация сложилась в Южно-Эмбинском, Южно-Торгайском, Актюбинском регионах, где резко сокращается добыча в силу естественного её падения на старых месторождениях. Идёт процесс «вымирания» старых промыслов [Смирнов, 2021]. Именно в этих регионах РК работает большая часть китайских нефтегазовых компаний.

Кроме того, значительная часть УВ, добываемых компаниями КНР в РК, остаётся на внутреннем рынке, в отличие от тех, которые добывают другие операторы (американские и европейские) и отправляют за пределы республики. По словам председателя правления экспертного клуба «Один пояс — один путь» Булата Султанова, китайские предприятия поставляют на казахстанский рынок для переработки от 30 до 85 % (в разные годы) нефти, реализуемой по внутренним ценам, тем самым участвуя в стабильном обеспечении потребителей отечественным бензином, дизельным топливом и внося прямой вклад в развитие казахстанской экономики. Однако с точки зрения максимального извлечения прибыли поставки на внутренний рынок РК (при существующей тарифной и налоговой политике) проигрывают политике экспорта на внешние рынки, реализуемой западными компаниями.

На фоне меняющихся настроений общества власти центральноазиатских республик повсеместно продолжают демонстрировать оптимизм в отношении партнёрства с Китаем. При этом в Казахстане официальные медиа и выступления представителей власти в последние годы резко снизили частоту упоминания партнёрства своих республик с КНР. Заметно, что это происходит под внешним нажимом и с учётом меняющихся общественных настроений. Ряд казахстанских экспертов считают, что это происходит в связи с неясной поддержкой национал-патриотического дискурса в отношении Китая.

Характерным является то, что именно в Казахстане самый масштабный в регионе шаг по практической реализации экономического сотрудничества в рамках инициативы ОПОП привёл к значительному всплеску синофобских настроений. Предпринятые шаги по проекту переноса избыточных

¹ Как и почему Китай помогает индустриализировать Центральную Азию // <https://www.saa-network.org/archives/22283>, дата обращения 26.03.2022.

экономических мощностей из КНР в РК стали поводом для масштабной активизации антикитайских заявлений и политических акций, продолжавшихся с некоторыми перерывами до 2021 г.

Первоначально планировался перенос (данный термин позднее был заменён казахстанской стороной на «реализация инвестиционных проектов») объектов сферы ТЭК, но в дальнейшем было заявлено о переносе более чем 50 объектов из других отраслей экономики.

Следует отметить, что в Казахстане, в отличие от других стран региона, антикитайские настроения демонстрируют цикличность и распространяются на значительные территории страны. После массовых антикитайских протестов 2016 г. (так называемые земельные митинги) имел место период относительного затишья, но уже со второй половины 2019 г. наблюдалась новая массовая антикитайская кампания.

Государственному визиту второго президента РК Касым-Жомарта Токаева в Китай (11–12 сентября 2019 г.), в ходе которого предполагалось заключение новых флагманских проектов в двусторонних экономических отношениях, предшествовали события, которые можно охарактеризовать как обострение синофобии. Все началось с анонимной рассылки в мессенджерах, в которой говорилось, что Китай намерен перенести 55 старых заводов на территорию Казахстана. Реакция части общества оказалась предсказуемой: 3 сентября в западноказахстанском г. Жанаозен (бывший Новый Узень), одном из самых проблемных для властей регионов страны (январские события 2022 г. и попытка вооружённого мятежа, закончившаяся, по официальным данным, 230 погибшими, среди которых — 19 военных и силовиков [Величко, 2022], также начались с этого города), возле акимата (городской администрации) состоялся митинг против «переноса китайских заводов» в Казахстан. Протестанты выступали под лозунгами «Мы против переноса производств», «Экспансии Китая — нет», «Против аренды казахстанской земли иностранцами». На митингах активисты утверждали, что казахстанские чиновники подписывают невыгодные для Казахстана контракты с КНР. Протест повторился и на следующий день, но стал более массовым: в нём приняли участие уже порядка 500 человек. Собравшихся попытался успокоить аким (губернатор) Мангистауской области Серикбай Трумов, но они потребовали объяснений от президента Токаева [Розов, 2019]. Спустя день похожие акции протеста состоялись в крупных городах — Алматы, Нур-Султане, Актобе, Караганде, Актау, Шымкенте. Везде силовые органы наблюдали за протестами, но не вмешивались. Более того, для беседы к протестующим выходили чиновники ранга акима, чего ранее в Казахстане не случалось.

В итоге сорвать визит президента Токаева в КНР не удалось, но его итоги не просто оказались информационно смазаны, но и не привели к ожидаемым экономическим прорывам.

В республиках ЦА, отличающихся максимальным размахом антикитайской общественной активности, — Казахстане и Киргизии — существует феномен «особых» отношений национал-патриотов и официальной власти. Данная связь носит сугубо неформальный характер и, безусловно, отрицается на официальном уровне. Однако многие независимые эксперты региона данный феномен, явно влияющий на темпы реализации мегаинициативы Пекина, фиксируют уже несколько лет. При этом в Киргизии, в минимальной степени влияющей на ход и результаты ОПОП в регионе, данные отношения по линии «власть — нацпаты» выражены слабее, чем в Казахстане. В остальных среднеазиатских республиках серьёзных попыток использовать фактор националистов во внешней политике пока не фиксировалось.

Поддерживая националистов, власти Казахстана за все годы независимости решают утилитарные цели, реализуя политику многовекторности. С одной стороны, иницируют евразийские интеграционные процессы с Россией и расширяют казахстано-китайское двустороннее сотрудничество в экономической сфере, с другой — создают из националистов силу, позволяющую в рамках международных отношений отстаивать свои интересы. Во властных казахских элитах существует опасение потерять в ходе углубления интеграции с РФ (в рамках ЕАЭС) и КНР (в ходе расширения экономического присутствия китайского бизнеса в республике) ранее достигнутые ими политические и международные позиции. По мнению эксперта Сергея Масаулова, казахская бюрократия и бизнес-элита (это часто одно и то же) обеспокоены ожидаемой потерей привилегий, необходимостью усиления ответственности и изменением привычного образа жизни элиты [Масаулов, 2018].

Схожего взгляда придерживается и казахстанский политолог Талгат Мамырайымов. По его мнению, «практически все группы национал-патриотов контролируются властями и используются ими в своих целях. Как ни странно, наши национал-патриоты очень разнородны. Но именно это даёт возможность властям пытаться использовать их многовекторно. Иными словами, при помощи нацпатов власти пытаются балансировать между Западом, Россией и Китаем, идя при этом в русле своих личных экономических и политических интересов» [Жанузаков, 2018].

Как представляется, поддерживая в целом интеграцию в ЕАЭС, элиты РК обеспокоены высокими, по их оценкам, темпами слияния национальной экономики в единое пространство ЕАЭС. Те же чувства вызывает и растущее экономическое влияние восточного соседа-гиганта. Артикулирование этого беспокойства и недовольства передаётся националистически настроенным политологам и активистам, которые должны сплотить людей вокруг своих лозунгов в новое движение (возможно, в партию) и привлечь молодёжь. В этой ситуации власть сможет аргументировать усилением позиций национал-патриотов (в перспективе, по мере реализации заявленной в марте 2022 г. К-Ж. Токаевым реформы политической системы) свои

возражения против не устраивающих её по форме и темпам продвижения евразийского интеграционного процесса и набирающего всё большую силу процесса роста зависимости РК от китайских денег и технологий.

Негативные процессы, сказавшиеся на всех центральноазиатских экономиках, связанные с эпидемией коронавируса (2020–2022 гг.), создали новые возможности для китайского бизнеса. В процессе усиления внутренней экономики КНР открылись возможности перевода за рубеж относительно простых производств, не требующих высокой квалификации. В рамках этого подхода 56 проектов в рамках переноса излишних производственных мощностей в Казахстан были в большей мере реализованы (в основном проекты в машиностроительном секторе) [Бугаенко, 2022].

Тем не менее существенного влияния на попытки модернизации казахстанской экономики этот масштабный по региональным меркам проект пока не оказал. Ещё на этапе старта процесса переноса в 2017–2018 гг. независимые казахстанские политологи и экономисты выражали осторожный скепсис по поводу ожидаемых властями «технологических прорывов». Например, по мнению известного казахстанского политолога Марата Шибутова, у Пекина имеются сложившиеся приоритетные и неприоритетные сферы взаимодействия с Казахстаном. Уран, нефть, газ и некоторые металлы – важные для Китая товары, и по ним сотрудничество двух стран продолжится вне зависимости от мировой экономической конъюнктуры [Мазоренко, 2016].

Спустя несколько лет после данной оценки политолог стал оценивать ситуацию ещё более пессимистично. В интервью летом 2021 г. он указывает: «США продолжают усиливать давление на Россию и Китай, в том числе через Центральную Азию, где сталкиваются интересы всех трёх геополитических игроков. Но если наш северный сосед ещё может противостоять этому давлению благодаря своей мощной пропагандистской машине, то восточный явно сдаёт позиции. Это видно по резкому росту антикитайских протестов в регионе, особенно в Казахстане и Кыргызстане, и такие настроения в немалой степени подогреваются американской пропагандой». По мнению Шибутова, это ведёт к ухудшению казахстано-китайских отношений: «КНР сокращает экспорт в нашу страну, урезает инвестиции, не предлагает новых совместных проектов, на Хоргосе месяцами простаивают тысячи вагонов. Что это, как не прямые сигналы со стороны Пекина о завершении режима благоприятствования? Да и какой вообще смысл поддерживать того, кто настроен к тебе агрессивно? Причём тенденция к охлаждению отношений, скорее всего, продолжится. По крайней мере до тех пор, пока не снизится накал антикитайских настроений, хотя бы до уровня 2008–2009 годов»¹.

¹ Чем обернётся для Казахстана охлаждение отношений с Китаем? // <https://qmonitor.kz/politics/1904>, дата обращения: 23.03.2022.

В последнее время спад интереса КНР к реализации крупных экономических проектов в Казахстане отмечают в республике и провластные исследователи. Ведущий научный сотрудник Казахского института стратегических исследований при президенте РК Вячеслав Додонов полагает, что, хотя статистика присутствия китайского бизнеса в казахстанском ТЭК занижена, в целом китайская инвестиционная активность в Казахстане снижается. «Фиксируемый статистикой спад инвестиционного присутствия китайского капитала находит косвенное подтверждение в других индикаторах. Одним из таких являются доходы компаний нефтяного сектора, которые являются важным источником инвестиций посредством реинвестирования», — отмечал учёный в конце 2021 г. [Иванов, 2021].

По мнению В. Додонова, со времени объявления о начале реализации инициативы ОПОП товарооборот Казахстана с Китаем, даже по официальным данным, снизился — с 14 млрд долл. (2013 г.) до 12 млрд долл. (2018 г.). «Наш внешнеторговый оборот зависим от цен на нефть, составляющей 80 % экспорта. И это снижение идёт в русле общих трендов торговой ситуации в Казахстане. Не только объёмы, но и доля снижается — в основном за счёт экспорта, с 18 до 11,4 %... Несмотря на прогресс в реализации инициативы "Один пояс — один путь", мы видим не рост, а обратную тенденцию» [Панченко, 2019], — указывает эксперт. В основе казахстанского экспорта в КНР, составляющего более половины от товарооборота, — нефть, газ, металлы и зерновые. По оценкам казахстанской стороны, из Поднебесной за годы независимости РК поступили около 20 млрд из 330 млрд долл. всех прямых иностранных инвестиций, полученных страной. По различным экспертным оценкам, всего Пекин вложил в Казахстан от 50 млрд долл. [Панченко, 2019] до 80 млрд долл. [Малаев, 2016].

Заключение

Заметный рост антикитайских настроений части центральноазиатских обществ в 2018–2021 гг., совпавший в Казахстане с начавшимся весной 2019 г. процессом транзита высшей власти (шедшего до попытки вооружённого мятежа в январе 2022 г. без какого-либо понимания населением и элитами того, когда и в каких формах он завершится), а в Кыргызстане — с очередным переворотом в октябре 2020 г., колебания цен на мировых сырьевых рынках и общие для всех стран региона карантинные ограничения в связи с эпидемией *COVID-19*, нанёвшие тяжёлый удар по экономикам и социумам постсоветских азиатских республик, породили наблюдаемый до настоящего времени «эффект паузы» в процессе продвижения китайской мегаинициативы «Один пояс — один путь» в Центральной Азии.

Продолжающаяся пандемия *COVID-19*, кризис мировых логистических цепочек и начатая Западом против России экономическая война ставят мир на грань всеобъемлющего экономического кризиса.

Сами страны региона в разной мере, но проходят этап перестройки своих прежних стратегий партнёрства с КНР. «Взаимодействие с Китаем даст возможность странам Центральной Азии пережить кризис менее болезненно, а также открыть новую точку роста для экономики, но это потребует более выверенной политики в отношении восточного соседа», — отмечает казахстанский китаист Антон Бугаенко [Бугаенко, 2020].

В Казахстане, испытывающем максимальное воздействие извне для снижения уровня партнёрства с Пекином, указанный «эффект паузы» наблюдается наиболее отчётливо. Как представляется, этому прямо способствует максимальное для региона ЦА наличие в Казахстане инструментов воздействия на внутриполитическое пространство страны, много лет создаваемых странами Запада.

Основными из них являются:

— работа по интеграции политической и бизнес-элит в западное экономическое пространство;

— создание либерально-демократического поля («гражданского общества»).

По первому направлению работа в регионе может быть оценена как наиболее эффективная (в отличие от республик Средней Азии, сравнительно слабо интегрированных в мировую экономику). Создание «демократического поля» во всех республиках региона не дало ощутимого практического эффекта, но в информационно-психологической сфере Казахстана и, отчасти, Киргизии создало ситуацию доминирования западоцентричных подходов. Это, в свою очередь, привело к тому, что прозападный внешнеполитический дискурс стал для Казахстана мейнстримом, поставил власти, ранее пытавшиеся контролировать национал-патриотов и национал-либералов и управлять ими, в определённую зависимость от их антироссийской и антикитайской идеологии.

В противоположность в Узбекистане, во многом свободном от инфраструктуры влияния зарубежных конкурентов России и Китая в ЦА, наблюдается курс на всемерное расширение экономического сотрудничества с КНР и ЕАЭС. Три остальные республики региона находятся на разных промежуточных позициях между данными полюсами.

Оказывает влияние на текущее «притормаживание» прежних темпов продвижения экономического влияния на регион ЦА, как представляется, и коррекция Пекином ранее выбранной стратегии. Китайская инициатива ОПОП после 2013 г. постепенно превратилась в зонтичный проект, вбирающий в себя все проекты, связанные с Китаем, и более того — практически всю китайскую активность в Центрально-Азиатском регионе. Инициатива воспринимается в последние годы скорее как идея «продвижения» Китая на запад. Постепенно нарастание экономического и информационного противодействия коллективного Запада предлагаемым КНР в рамках мегаинициативы экономическим проектам вынуждает Пекин серьёзно рассматривать целесообразность прежней политики, считавшейся ранее безальтернативной. Кроме того, продолжается масштабный процесс реструктурирования ки-

тайской экономики, и ориентация на внутреннее потребление провозглашена КПК в качестве магистральной задачи предстоящих десятилетий.

В данной связи наблюдаемый на сегодня «выход на плато» экономического влияния КНР в Центральной Азии в кратко- и среднесрочной перспективе будет характеризоваться рядом особенностей. К ним относится все большее смещение экономических интересов Китая в регионе в сторону реализации промышленных проектов¹ и, в целом, укрепление и качественное усиление ранее достигнутых позиций в центральноазиатских экономиках.

В то же время главным приоритетом для руководства КНР остаётся обеспечение энергетической безопасности страны. Поэтому сохранится интерес к расширению доступа к зарубежным нефтегазовым месторождениям, в т. ч. центральноазиатским. В Туркмении ресурсная база, контролируемая китайским бизнесом, оценивается экспертами как в целом перспективная, но в Казахстане имеют место существенные проблемы. По мнению А. Бугаенко, «китайские инвестиции в нефтяную отрасль РК направляются в основном на скупку старых месторождений, стоимость добычи на которых является высокой. С одной стороны, это может поставить под вопрос рентабельность таких инвестиций, но, с другой, может послужить причиной повышения интереса китайских компаний к новым направлениям. Они вполне могут перехватить некоторые проекты, разрабатываемые западными компаниями» [Исабаева, 2021]. Одновременно логично ожидать того, что китайский бизнес будет усиливать активность и в других секторах, закрепляя полученные позиции на казахстанском, узбекском и туркменском рынках поставок нефтегазового оборудования и предоставления услуг в сфере ТЭК. Следует также ожидать переноса на центральноазиатскую почву отмечаемой экспертами тенденции резкого роста инвестиций китайских компаний в разведку УВ на территории Китая [Иванов, 2020].

Список литературы

Адясов И., 2015. Россия – Китай: анализ ошибок Центральной Азии // <http://ostkraft.ru/ru/articles/1709>, дата обращения 20.02.2022.

Бугаенко А., 2020. Последствия коронавирусного кризиса для инициативы «Пояс и Путь» в Центральной Азии // <https://cabar.asia/ru/posledstviya-koronavirusnogo-krizisa-dlya-initsiativy-poyas-i-put-v-tsentralnoj-azii/>, дата обращения 24.03.2022.

Акижанов С., 2014. Китай создал фонд реализации инициатив по развитию сухопутного и морского Шёлкового пути. Международное информационное агентство // <http://www.inform.kz/rus/article/2714209>, дата обращения 25.03.2022.

---

¹ Как и почему Китай помогает индустриализировать Центральную Азию // <https://www.saa-network.org/archives/22283>, дата обращения 26.03.2022.

Величко А., 2022. Айман Умарова: к январским событиям готовились минимум два года // <https://www.caravan.kz/gazeta/ajjman-umarova-k-yanvarskim-sobytiyam-gotovivilis-minimum-dva-goda-827511/>, дата обращения 24.03.2022.

Виноградов А., 2017. Что такое проект «Один пояс, один путь» и каковы перспективы его «сопряжения» с ЕАЭС // <http://www.sonar2050.org/publications/chto-takoe-kitayskiy-proekt-odin-royas-odin-put-i-perspektivy-ego-sopryajeniya-s-rossiyskim-proekt/>, дата обращения 23.01.2022.

Жанузаков А., 2018. Победят ли в Казахстане воинствующие уятмены — мнения экспертов // <https://365info.kz/2018/01/pobedyat-li-v-kazahstane-voinstvuyushhie-uyatmeny-mneniya-ekspertov>, дата обращения 23.03.2022.

Зотин А., 2017. Один пояс, много тупиков. Зачем Китаю нужен новый Шёлковый путь // <http://carnegie.ru/commentary/?fa=70057>, дата обращения 24.02.2022.

Иванов Р., 2021. Казахстану нужно пересматривать торговые энергетические отношения — эксперт. В числе прочих это касается и нефтегазовой сферы // <https://wfin.kz/publikatsii/stati/45166-kazahstanu-nuzhno-peresmatrivat-torgovye-energeticheskie-otnosheniya-ekspert.html>, дата обращения 22.03.2022.

Иванов Р., 2022. Чем грозит конец нефтяной эры Казахстану? Доля нефти в мировой энергетике снижается уже не первый год // <https://stanradar.com/news/full/41053-chem-grozit-konets-neftjanoy-ery-kazahstanu.html>, дата обращения 30.08.2020.

Исабаева С., 2021. Ущербная синофобия. Почему Казахстану не нужно бояться Китая? // <https://qmonitor.kz/politics/3040>, дата обращения 25.03.2022.

Капитонов С., Умаров Т., 2020. Трубы сгорят? Нужно ли Китаю больше газа из России и Центральной Азии // <https://carnegie.ru/commentary/83536>, дата обращения 26.03.2022.

Каукенов А., 2021. Экономика казахстанской синофобии // <https://ia-centr.ru/experts/adil-kaukenov/ekonomika-kazahstanskoj-sinofobii/>, дата обращения 25.03.2022.

Киселёва Т., 2019. Китайская экономика слабеет: есть ли риски для Казахстана и тенге? // <https://365info.kz/2019/01/kitajskaya-ekonomika-slabeet-est-li-riski-dlya-kazahstana-i-tenge-eksperty/>, дата обращения 20.03.2022.

Крек Н. 2022. Готовы ли Китай, Киргизия и Узбекистан начать строительство железной дороги? // <https://www.ritmearasia.org/news--2022-03-20--gotovy-li-kitaj-kirgizija-i-uzbekistan-nachat-stroitelstvo-zheleznoj-dorogi-59092>, дата обращения 27.03.2022.

Мазоренко Д., 2016. Сырьевая монотонность: Стоит ли ожидать бума в экономических отношениях Казахстана с Китаем? // <https://vlast.kz/jekonomika/15576-syreva-monotonnost-stoit-li-ozidat-buma-v-ekonomiceskih-otnoseniah-kazahstana-s-kitaem.html>, дата обращения 13.02.2022.

Малаев М., 2016. Пришёл, увидел, прикупил: Китай в странах СНГ // <https://www.kommersant.ru/doc/4112133>, дата обращения 18.02.2022.

Масаулов С., 2018. Националисты в политическом спектре Казахстана и Кыргызстана // <https://ia-centr.ru/experts/natsionalisty-v-politicheskom-spektre-kazahstana-i-kyrgyzstana/>, дата обращения 10.08.2021.

Муминов А., 2019. Станет ли Казахстан газовой державой? // <https://samonitor.kz/32618-stanet-li-kazahstan-gazovoy-derzhavoy.html>, дата обращения 17.02.2022.

Нива Я., 2020. Китайские инвестиции в Центральной Азии: гидроэнергетика // <https://russian.eurasianet.org/китайские-инвестиции-в-центральной-азии-гидро-энергетика>, дата обращения 21.03.2022.

Ованнисян А., 2019. Малаккская дилемма: актуальные вызовы и поиск решений // <https://orbeli.am/ru/post/241/2019-06-26/Малаккская+дилемма+%3A+актуальные+вызовы+и+поиск+решений>, дата обращения 20.03.2022.

Панченко Т., 2019. Казахстану бояться надо не Китая // https://forbes.kz/process/expertise/ekspertyi_boyatsya_nado_ne_kitaya_a_sobstvennoy_syirevoy_zavisimosti/, дата обращения 17.03.2022.

Пустовойтова Е., 2021. Происходящие сейчас в мире изменения – это не состязание цифр. Западный тупик и китайский выход // <https://www.fondsk.ru/news/2021/04/25/proishodjaschie-sejchas-v-mire-izmenenija-eto-ne-sostjazanie-cifr-53445.html>, дата обращения 28.12.2021.

Ризоев М., 2020. Чем так манит Китай... // <https://polit-asia.kz/chem-tak-manit-kitaj/>, дата обращения 18.02.2022.

Розов М., 2019. Антикитайские настроения в Казахстане. Версии и факты // <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-09-15--antikitajskie-nastroenija-v-kazahstane.-versii-i-fakty-44863>, дата обращения 19.02.2022.

Саинов З., 2012. Китай наращивает свою значимость в Средней Азии // <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/73316/>, дата обращения 13.11.2021.

Сатпаев Д., 2017. Что Китаю хорошо, то Казахстан должно насторожить // http://ratel.kz/outlook/chto_kitaju_horosho_to_kazahstan_dolzno_nastorozhit, дата обращения 12.03.2022.

Смирнов С., 2021. Кто пойдёт в Казахстане в разведку? Геологическую // <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-10-04--kto-pojdet-v-kazahstane-v-razvedku-geologicheskiju-56705>, дата обращения 18.02.2022.

Тарасевич В., 2020. В Таджикистане завершают строительство тоннеля газопровода Туркменистан – КНР // <https://tj.sputniknews.ru/country/20200128/1030620577/tajikistan-tonnelj-gazoprovod-turkmenistan-china.html>, дата обращения 28.01.2020.

Умаров Т., 2021. Всякому друг. Смогут ли Россия и Китай вытеснить США из Казахстана // <https://carnegie.ru/commentary/84968>, дата обращения 18.08.2021.

Умаров Т., 2020. На пути к Pax Sinica: что несёт Центральной Азии экспансия Китая // <https://carnegie.ru/commentary/81265>, дата обращения 27.02.2022.

Шнирельман В., 2009. Символическое прошлое. Борьба за предков в Центральной Азии // <https://magazines.gorky.media/nz/2009/4/simvolicheskoe-proshloe-borba-za-predkov-v-czentralnoj-azii.html>, дата обращения 19.03.2022.

Hasanov H., 2019. China remains biggest importer of Turkmen gas // <https://en.trend.az/business/energy/3137277.html>, дата обращения 26.02.2022.

Hess M., 2020. Central Asia's Force Majeure Fears: Impact of COVID-19 Outbreak on China's Natural Gas Supply Demands // <https://www.fpri.org/article/2020/03/central-asias-force-majeure-fears-impact-of-covid-19-outbreak-on-chinas-natural-gas-supply-demands/>, дата обращения 27.03.2022.

Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев Университете // http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm, дата обращения 25.03.2022.

Третий пленум ЦК КПК 18-го созыва // <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/sbjszqjh/>, дата обращения 25.03.2022.

Китай подписал со странами вдоль «Пояса и пути» более 130 соглашений о сотрудничестве в транспортной области // <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0421/c31518-9205740.html>, дата обращения 25.03.2022.

Trade Map. По данным International Trade Center // https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c156%7c%7c795%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1, дата обращения 25.03.2022.

Китайское присутствие в нефтянке Казахстана выше, чем показывает статистика – эксперт // <http://berlek-nkp.com/analitics/10316-kitayskoe-prisutstvie-v-neftyanke-kazahstana-vyshe-chem-pokazyvaet-statistika-ekspert.html>, дата обращения 25.03.2022.

Как и почему Китай помогает индустриализировать Центральную Азию // <https://www.caa-network.org/archives/22283>, дата обращения 26.03.2022.

Узбекистан хочет увеличить поставки газа в Китай и наладить его экспорт в Европу // <http://www.fergananews.com/news/26522>, дата обращения 25.03.2022.

О «затягивании» Казахстана в орбиту Китая // https://kz.expert.ru/materials/analitika/1034_o_zatyagivanii_kazahstana_v_orbitu_kitaya, дата обращения 22.03.2022.

Как и почему Китай помогает индустриализировать Центральную Азию // <https://www.caa-network.org/archives/22283>, дата обращения 26.03.2022.

Чем обернется для Казахстана охлаждение отношений с Китаем? // <https://qmonitor.kz/politics/1904>, дата обращения 23.03.2022.

Как и почему Китай помогает индустриализировать Центральную Азию // <https://www.caa-network.org/archives/22283>, дата обращения 26.03.2022.

Andrey V. GROZIN, Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Central Asia and Kazakhstan of Institute of the CIS, Senior Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

Address: 2/1 Melnikov Ave., Khimki, Moscow region, 141410, Russian Federation.

E-mail: andgrozin@yandex.ru

SPIN-code: 5621-8571

CHINA'S FOREIGN ECONOMIC POLICY IN CENTRAL ASIA: ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES IN THE ENERGY SECTOR

DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_34

Received: 28.03.2022.

For citation: *Grozin A. V.*, 2022. China's Foreign Economic Policy in Central Asia: Achievements and Challenges in the Energy Sector. – *Geoeconomics of Energetics*. № 2 (18). P. 34–61. DOI: 10.48137/26870703_2021_18_2_34

Keywords: Keywords: "One Belt, One Road", China, Central Asia, Kazakhstan, sinophobia, economic cooperation, competition of interests.

Abstract

The author analyzes the history and current state of China's implementation of the "One Belt, One Road" initiative in Central Asia. The interim results of the initiative implementation are considered, first of all, in relation to the fuel and energy sectors of the post-Soviet Asian states. The article also studies the impact of a complex of problems and regional features that hinder the economic cooperation of Central Asian states with Chinese companies in the oil and gas and energy sectors on the implementation of the said initiative. A separate object of analysis was the content and impact of the growing negative public sentiment regarding cooperation with China in a number of countries in the region. The main prospects of economic cooperation between China and the Central Asian countries in the conditions of the observed rapid growth of global geopolitical and geoeconomic turbulence are also considered.

References

Adyasov I., 2015. Russia – China: an analysis of the mistakes of Central Asia // <http://ostkraft.ru/ru/articles/1709>, accessed 20.02.2022. (In Russ.)

Akizhanov S., 2014. China has created a fund for the implementation of initiatives for the development of the land and sea Silk Road. International News Agency // <http://www.inform.kz/rus/article/2714209>, accessed 25.03.2022. (In Russ.)

Bugayenko A., 2020. Consequences of the coronavirus crisis for the Belt and Road Initiative in Central Asia // <https://cabar.asia/ru/posledstviya-koronavirusnogo-krizisa-dlya-initsiativy-poyas-i-put-v-tsentralnoj-azii/>, accessed 03.24.2022. (In Russ.)

Velichko A., 2022. Ayman Umarova: we have been preparing for the January events for at least two years // <https://www.caravan.kz/gazeta/ajjman-umarova-k-yanvarskim-sobytiyam-gotovilis-minimum-dva-goda-827511/>, accessed 03.24.2022. (In Russ.)

Vinogradov A., 2017. What is the "One Belt, One Road" project and what are the prospects for its "pairing" with the EAEU // <http://www.sonar2050.org/publications/chto-takoe-kitayskiy-proekt-odin-poyas-odin-put-i-perspektivy-ego-sopryajeniya-s-rossiyskim-proekt/>, accessed 23.01.2022. (In Russ.)

Zhanuzakov A., 2018. Will militant uyatmen win in Kazakhstan – expert opinions // <https://365info.kz/2018/01/pobedyat-li-v-kazahstane-voinstvuyushhie-uyatmeny-mneniya-ekspertov>, accessed 23.03.2022. (In Russ.)

Zotin A., 2017. One belt, many dead ends. Why China needs a new Silk Road // <http://carnegie.ru/commentary/?fa=70057>, accessed 24.02.2022. (In Russ.)

Ivanov R., 2021. Kazakhstan needs to revise trade energy relations – expert. Among others, this also applies to the oil and gas sector // <https://wfin.kz/publikatsii/stati/45166-kazahstanu-nuzhno-peresmatrivat-torgovye-energeticheskie-otnosheniya-ekspert.html>, accessed 22.03.2022. (In Russ.)

Ivanov R., 2022. What threatens the end of the oil era for Kazakhstan? The share of oil in the global energy sector has been declining for several years // <https://stanradar.com/news/full/41053-chem-grozit-konets-neftjanoy-ery-kazahstanu.html>, accessed 30.08.2020. (In Russ.)

Isabaeva S., 2021. Flawed sinophobia. Why should Kazakhstan not be afraid of China? // <https://qmonitor.kz/politics/3040>, accessed 25.03.2022. (In Russ.)

Kapitonov S., Umarov T., 2020. Will the pipes burn? Does China need more gas from Russia and Central Asia // <https://carnegie.ru/commentary/83536>, accessed 26.03.2022. (In Russ.)

Kaukenov A., 2021. Economy of Kazakhstan sinophobia // <https://ia-centr.ru/experts/adil-kaukenov/ekonomika-kazahstanskoy-sinofobii/>, accessed 25.03.2022. (In Russ.)

Kiseleva T., 2019. The Chinese economy is weakening: are there risks for Kazakhstan and tenge? // <https://365info.kz/2019/01/kitajskaya-ekonomika-slabeet-est-li-riski-dlya-kazahstana-i-tenge-eksperty/>, accessed 20.03.2022. (In Russ.)

Krek N. 2022. Are China, Kyrgyzstan and Uzbekistan ready to start building a railway? // <https://www.ritmearasia.org/news--2022-03-20--gotovy-li-kitaj-kirgizija-i-uzbekistan-nachat-stroitelstvo-zheleznoj-dorogi-59092>, accessed 27.03.2022. (In Russ.)

Mazorenko D., 2016. Raw monotony: Should we expect a boom in Kazakhstan's economic relations with China? // <https://vlast.kz/jekonomika/15576-syrevaamonotonnost-stoit-li-ozidat-buma-v-ekonomiceskih-otnoseniah-kazahstana-s-kitaem.html>, accessed 13.02.2022. (In Russ.)

Malaev M., 2016. Came, saw, bought: China in the CIS countries // <https://www.kommersant.ru/doc/4112133>, accessed 18.02.2022. (In Russ.)

Masaulov S., 2018. Nationalists in the political spectrum of Kazakhstan and Kyrgyzstan // <https://ia-centr.ru/experts/natsionalisty-v-politicheskom-spektre-kazahstana-i-kyrgyzstana/>, accessed 10.08.2021. (In Russ.)

Muminov A., 2019. Will Kazakhstan become a gas power? // <https://camonitor.kz/32618-stanet-li-kazahstan-gazovoy-derzhavoy.html>, accessed 17.02.2022. (In Russ.)

Niva Ya., 2020. Chinese investments in Central Asia: hydropower // <https://russian.eurasianet.org/китайские-инвестиции-в-центральной-азии-гидроэнергетика>, accessed 03.21.2022. (In Russ.)

Hovhannisyan A., 2019. The Malacca dilemma: current challenges and the search for solutions // <https://orbeli.am/ru/post/241/2019-06-26/Малаккская+dilemma+%3A+current+challenges+and+search+solutions>, accessed 20.03.2022. (In Russ.)

Panchenko T., 2019. Kazakhstan should not be afraid of China // https://forbes.kz/process/expertise/ekspertyi_boyatsya_nado_ne_kitaya_a_sobstvennoy_syirevoy_zavisimosti/, accessed 17.03.2022. (In Russ.)

Pustovoitova E., 2021. The changes taking place in the world now are not a contest of numbers. Western dead end and Chinese exit // <https://www.fondsk.ru/news/2021/04/25/proishodjaschie-sejchas-v-mire-izmenenija-eto-ne-sostjazanie-cifr-53445.html>, accessed 17.03.2022. (In Russ.)

Rizoev M., 2020. What attracts China so much... // <https://polit-asia.kz/chem-tak-manit-kitaj/>, accessed 18.02.2022. (In Russ.)

Rozov M., 2019. Anti-Chinese sentiment in Kazakhstan. Versions and facts // <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-09-15--antikitajskie-nastroenija-v-kazahstane.-versii-i-fakty-44863>, accessed 19.02.2022. (In Russ.)

Saipov Z., 2012. China is increasing its importance in Central Asia // <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/73316/>, accessed 13.11.2021. (In Russ.)

Satpayev D., 2017. What is good for China, Kazakhstan should be alerted // http://ratel.kz/outlook/chto_kitaju_horosho_to_kazahstan_dolzno_nastorozhit, accessed 12.03.2022. (In Russ.)

Smirnov S., 2021. Who will go into exploration in Kazakhstan? Geological // <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-10-04--kto-pojdet-v-kazahstane-v-razvedku-geologicheskiju-56705>, accessed 18.02.2022. (In Russ.)

Tarasevich V., 2020. Construction of Turkmenistan – China gas pipeline tunnel is being completed in Tajikistan // <https://tj.sputniknews.ru/country/20200128/1030620577/tajikistan-tonnelj-gazoprovod-turkmenistan-china.html>, accessed 28.01.2020. (In Russ.)

Umarov T., 2021. Everyone's friend. Will Russia and China be able to oust the USA from Kazakhstan // <https://carnegie.ru/commentary/84968>, accessed 18.08.2021. (In Russ.)

Umarov T., 2020. On the way to Pax Sinica: what China's Expansion brings to Central Asia // <https://carnegie.ru/commentary/81265>, accessed 27.02.2022. (In Russ.)

Shnirelman V., 2009. The symbolic past. The struggle for ancestors in Central Asia // <https://magazines.gorky.media/nz/2009/4/simvolicheskoe-proshloe-borba-za-predkov-v-czentralnoj-azii.html>, accessed 19.03.2022. (In Russ.)

Hasanov H., 2019. China remains biggest importer of Turkmen gas // <https://en.trend.az/business/energy/3137277.html>, accessed 26.02.2022. (In Russ.)

Hess M., 2020. Central Asia's Force Majeure Fears: Impact of COVID-19 Outbreak on China's Natural Gas Supply Demands // <https://www.fpri.org/article/2020/03/central-asias-force-majeure-fears-impact-of-covid-19-outbreak-on-chinas-natural-gas-supply-demands/>, accessed 27.03.2022. (In Russ.)

Speech by Chinese President Xi Jinping at Nazarbayev University // http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm, accessed 25.03.2022. (In Russ.)

The third Plenum of the CPC Central Committee of the 18th convocation // <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/sbjzsqh/>, accessed 25.03.2022. (In Russ.)

China has signed more than 130 agreements on cooperation in the transport field with countries along the Belt and Road // <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0421/c31518-9205740.html>, accessed 25.03.2022. (In Russ.)

Trade Map. According to the International Trade Center // https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%, accessed 25.03.2022. (In Eng.)

Chinese presence in Kazakhstan's oil industry is higher than statistics show – expert // <http://berlek-nkp.com/analitics/10316-kitayskoe-prisutstvie-v-neftyanke-kazahstana-vyshe-chem-pokazyvaet-statistika-ekspert.html>, accessed 25.03.2022. (In Russ.)

How and why China helps to industrialize Central Asia // <https://www.caa-network.org/archives/22283>, accessed 26.03.2022. (In Russ.)

Uzbekistan wants to increase gas supplies to China and to establish its export to Europe // <http://www.fergananews.com/news/26522>, accessed 25.03.2022. (In Russ.)

About the "tightening" of Kazakhstan into the orbit of China // https://kz.expert.ru/materials/analitika/1034_o_zatyagivanii_kazahstana_v_orbitu_kitaya, accessed 22.03.2022. (In Russ.)

How and why China is helping to industrialize Central Asia // <https://www.caa-network.org/archives/22283>, accessed 26.03.2022. (In Russ.)

What will the cooling of relations with China mean for Kazakhstan? // <https://qmonitor.kz/politics/1904>, accessed 23.03.2022. (In Russ.)

How and why China is helping to industrialize Central Asia // <https://www.caa-network.org/archives/22283>, accessed 26.03.2022. (In Russ.)